

ка, вытесняемую в классической философской традиции проблемой деятельностного содержания бытия человека. В контексте социальной логики Зиновьева социум — «человейник» есть не только условие жизнедеятельности людей, а, прежде всего, единое человеческое целое как условие жизни, а значит, жизнедеятельности людей и отдельного человека.

В контексте анализа актуальных проблем современного социума «человейниковый» подход к нему означает выяснение вопроса соответствия существующих социальных структур и идущих внутри них деятельностных процессов наиболее фундаментальному основанию бытия человека — его праву и возможности жить. Данная проблема осмысливается Зиновьевым, прежде всего, в плане определения современных контекстов самого понятия «жизнь», неотделимых от сверхрациональной практики человека XX — XXI в. в., ставящей под вопрос как его собственное бытие в качестве целостного единства, так и существование всего человеческого рода.

Итак, культурно-ценностный смысл ведущей для философии Зиновьева категории «человейник» определяется, как мы считаем, мировоззренческим и нравственно-этическим контекстом всей его концепции, содержание которой может быть понято как философская тревога о человеке, о его реальной жизни в реальном мире, о сохранении целостности его бытия.

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1999.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собр. Соч.: В 12 т., Т11. М., 1982.
3. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М., 2000.
4. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Симферополь: Реноме, 1998.
5. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001.

В. В. Ким, С. З. Гончаров
Екатеринбург

КУЛЬТУРА — ТВОРЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО ТРУДА

Понятие всеобщего труда ввел Карл Маркс. Этот труд является высшим по степени сложности. Существуют различные толкования этого понятия. Одни авторы связывают всеобщий труд с трудом общественным и конкретным в отличие от труда частного и абстрактного (В. М. Межуев), другие — с самостоятельностью

(Е. Я. Шенкман), с диалогичностью (В. С. Библер), с продуцированием способностей (Е. Я. Режабек), с опосредованной кооперацией (Н. Н. Семенов) или с опосредованным трудом (А. Агт) [2, С. 119 — 145]. Все эти особенности присущи всеобщему труду, но сами по себе они не составляют его родовой отличительной особенности. Надо выявить то исходное основание, из которого эти особенности следуют, и благодаря которому Маркс назвал труд именно всеобщим, а не самостоятельным, общественным, опосредствованным и т. д.

Труд называется совместным потому, что его работник непосредственно изменяет предмет и является *технологическим* агентом производства. Такой труд допускает *пространственную* кооперацию и *разделение* деятельности на отдельные операции. Главным в нем является изменение *предмета*, а не «самоизменение» субъекта, деятельность по заранее установленному масштабу, а не самостоятельность.

Маркс назвал определенный вид труда всеобщим из-за его *всеобщего содержания* как по отношению к объекту, так и по отношению к субъекту. Этот труд распрямляет *всеобщие закономерные* связи в объекте и опредмечивает «всеобщие силы человеческой головы» [3, С. 110], которые объективируются в науке и философии, в искусстве и образовании новых поколений. Продукты этого труда имеют *всеобщую* значимость — они развивают всеобщие силы человеческой головы (теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетическое созерцание и др.) и оказывают всеохватный эффект и качественный сдвиг в культуре. *Всеобщее содержание и значение данного труда составляет основание для иных моментов всеобщего труда*, на которые справедливо указывают авторы. Отметим особенности этого труда.

Всеобщий труд изменяет сам тип, «эйдос» предмета и комбинацию закономерных связей. Так, *изобретение* двигателя внутреннего сгорания есть труд всеобщий. *Изготовление* же этого двигателя есть труд непосредственный. В первом случае возникает всеобщая идея вещи, во втором — отдельная конкретная вещь («эта»). В первом случае в отличие от второго доминирует продуктивное, а не репродуктивное; самостоятельность и творчество субъекта, а не деятельность по заранее установленным схемам; диалогичность во времени с предшественниками, опосредованная кооперация во времени, а не *пространственная* кооперация трудовых усилий в пространстве. Следует различать, замечает К. Маркс, — «всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но

между ними существует также различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» [4, С. 116].

В производстве вещей всеобщим является научный труд, создающий модели будущих вещей. В культурном воспроизводстве людей таким трудом является научная, философская, художественная, богословская, воспитательно-образовательная деятельность, порождающая не частные и единичные утилитарно-прикладные схемы и правила, а всеобщие схемы работы теоретического мышления, продуктивного воображения, эстетического созерцания, одухотворенной веры, нравственной воли. Всеобщий труд обновляет саму *живую субстанцию культуры — продуктивно-творческие силы человека* и создает *всеобщее духовное содержание*, которое направляет отношение человека к самому себе и к другим людям, к природе и к трансцендентному началу. В этом труде реальность предстает в аспекте своих всеобщих закономерностей, а субъект как представитель духовных способностей человеческого рода, как наследник и продолжатель культуры. Всеобщий труд является «напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства ... в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» [3, С. 110].

Всеобщий труд *не допускает* дробления деятельности на частичные функции. Изготовление же автомобиля можно разбить на отдельные операции и закрепить их за разными работниками. Такое дробление возможно потому, что *целое* (идеальная модель автомобиля) уже существует. Но такое дробление невозможно по отношению к процессу порождения научной идеи, стиха или музыкального произведения. *Здесь рождается само целое, продуцировать которое может только целостная личность в единстве духовных сил.* Дальнейшие отличия труда всеобщего от непосредственного (совместного) заключаются в следующих моментах:

— продукты всеобщего труда существуют как таковые только в сфере мысли, воображения, духовных чувств. Потребление этих продуктов не уничтожает их, а *воспроизводит вновь* в сознании новых поколений, они проходят через толщу тысячелетий как, например, идеи Платона или логика Аристотеля, творения Шекспира, музыка С. Рахманинова и т. п.;

— всеобщий труд создает продукт *идеальный*, а не материальный, *всеобщий*, а не единичный;

— всеобщий труд протекает как деятельность, направленная на изменение не внешнего предмета, а схем самой деятельности. Он есть деятельность, рефлексированная, самонаправленная, то есть *самодетельность*. Самодетельность так относится к внешней деятельности, как продуктивное воображение — к внешнему восприятию. Всеобщий труд создает новые схемы, способы деятельности. Способы деятельности усваиваются, фиксируются нейрофизиологически и превращаются в *способности*. Продуцируя способности, всеобщий труд является *креативно-антропологическим*. Он созидает тем самым общественное богатство в его субъективной всеобщей форме, т. е. «развитие всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу» [5, С. 476]. Степень и пределы развития производства определяются «отношением к целостному развитию индивидов» [3, С. 123];

— всеобщий труд является культуротворческим, так как он развивает «всеобщие силы человеческой головы», которые объективируются в науке и философии (теоретическое мышление), в искусстве (продуктивное воображение и эстетическое созерцание), в нравственности, праве и политике (воля), в религии (вера);

— субъект всеобщего труда не может творить свой специфический духовный продукт, не усвоив *наследия* предшественников. Он вступает с ними в *опосредованную кооперацию во времени*. В этом труде прошлая культура постоянно актуализируется и вплетается в контекст современной культуры. Сохраняется *преемственность и диалог культур*;

— субъекты всеобщего труда вступают между собой в отношения *непосредственно человеческие* — по поводу *взаимного обмена и дополнения способностями*. Такие отношения обладают *человекотворческим содержанием*. Отношения же в сфере непосредственного труда направляются, как правило, мотивами *внешнего порядка* — полезности, заработка и др.

— Всеобщий труд становится достоянием все большего круга субъектов при определенных социальных и технологических условиях:

— когда труд в процессах производства теряет подневольный, «антагонистический характер» (рабство, крепостничество, наемный труд) как нечто отталкивающее, исполняемое «*по внешнему принуждению*», а потому «не-труд» работнику представляется как «свобода и счастье»;

— когда созданы «субъективные и объективные условия, необходимые для того, чтобы труд был привлекательным, чтобы он

был самоосуществлением индивида», «осуществлением свободы»; т. е. свободным выражением полноты жизненных сил человека, таких целей, «которые ставит перед собой сам индивид» и которые, следовательно, «полагаются как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд»; такой «человекоемкий» характер труда не означает его превращения в «развлечение», «забаву»; действительно свободный труд, отмечает Маркс, например труд композитора, «представляет дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение»;

— когда труд стал непосредственно общественным трудом, мотивированным не одной прибылью, а отношением к *общественным потребностям* и к *культурному развитию* самих индивидов; т. е. к его положительному эффекту в системе «человек — человек».

Что касается производства самих средств жизни, то «в материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» [3, С. 109–110].

Само по себе обобществление труда не сообщает ему статуса всеобщего труда; оттого, что мотыги и лопаты будут общими, ручной и простой по степени сложности труд никак не превратится во всеобщий труд. Для такого превращения необходимо изменить содержание труда по отношению и к объекту, и к субъекту труда. Маркс относил науку к «продукту всеобщего исторического развития, абстрактно выражающим его квинтэссенцию» [1, С. 110] потому, что наука распредмечивает всеобщие связи в объекте и развивает всеобщие силы головы субъекта, не в силу ее только общественного характера. Отождествлять всеобщий труд с общественным трудом на основе общей собственности, значит подменять экономическим аспектом аспект философский, креативно-антропологический.

В силу своих креативных особенностей всеобщий труд продуцирует культуру в ее верхнем — классическом уровне.

На фоне всеобщего труда яснее проступает последствия большого удельного веса *простого труда* в структуре совокупного работника. Такие последствия подобны тяжелой гире на ногах бегуна.

Предвидение Маркса о перспективе совокупного труда, в об-

щем и целом, подтверждаются современной действительностью. Маркс ясно предвосхитил следующие тенденции в развитии совокупного труда:

1. Наука, будучи высокоспециализированным теоретическим мышлением, превратится в непосредственную производительную силу общественного труда, а труд, тем самым станет *прикладной наукой*. Науки же обладают равной степенью сложности. Труд, будучи прикладной наукой, превратится в *однородный по степени сложности труд*. Одинаковая сложность труда означает и *равную экономическую оценку*. Тем самым, *различия в специальностях не повлекут за собой различия в социальных привилегиях и различия в «желудке»*. В социологическом плане это означает *социальную однородность*, социально равные возможности развития людей.

2. Эффективность труда будет зависеть не от величины мускульных усилий работников, а от мощи тех искусственных органов общественной практики (техники), которые созданы при помощи науки. Тем самым, непосредственное рабочее время перестает быть мерой богатства и производству, основанному на меновой стоимости, приходит конец [3, С. 214]. Маркс так конкретизирует данный технологический аспект: «Теперь рабочий уже не помещает между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним».

В качестве главной «основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господства над ней в результате его бытия в качестве общественного организма. ... Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место ... сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» [3, С. 213–214]. Как передача машине функций движения и управления инструментов революционизировала технологический базис, экономическое основание и всю надстройку, так и передача технике *интеллектуальных функций* и ее дальнейшая *антропность* потребуют качественных изменений в экономике и по-

литике, образовании, освобождая персонал от функций технологического агента и делая запрос на субъектов с целостной субъективностью, изменяющих уже не внешнюю материальную оболочку предмета, а сами закономерности в предмете и управляющих ими. Материальное производство средств жизни и культурное воспроизводство поколений отделятся друг от друга. Главным станет второй вид производства, в котором образование станет перманентным. Такая доминанта есть тенденция культуры. Ибо изменится ранг ценностей и пирамида престижности. Не производство средств производства, а *культурное воспроизводство новых поколений в системе образования становится антропогенным базисом общества*. Культурное воспроизводство людей первично, а производство вещей (средств жизни) вторично.

3. Автоматизация общественного производства выключит работников из сферы производства *как непосредственных его технологических агентов*.

Работник встанет над технологическим процессом, «как его контролер и регулировщик». Функция производства общественного богатства на стадии его *материального оформления будет передана технике* и новым технологиям. За работниками она сохранится в редуцированном виде. *Функция класса непосредственных производителей будет возложена на «плечи» автоматизированных систем* и управляемых *самодвижных* природных структур.

4. Эффективность общественного труда благодаря его научному характеру сократит рабочее время и увеличит свободное время. Свободное время станет «пространством» целостного развития людей — их всеобщих по культурному значению продуктивно-творческих сил в сферах науки, искусства, образования, общения и др. От прежнего развития средств производства люди перейдут к саморазвитию своих собственных продуктивно-творческих сил. Техническая цивилизация, которая двигалась в антагонистических классовых формах, сменится новой исторической ступенью — культурой. Начнется собственная история людей, сменив собой предысторию, в центре которой было производство средств к жизни. Техногенное общество сменится антропогенным, в рамках которого человек уже не воспроизводит себя в какой-либо только одной определенности, а производит себя «во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [5, С. 476]. Такое движение осуществляется как беспрестанное выходжение за временные границы собственного развития, которые и осознаются как границы, подлежащие преодолению, а не как

абсолютная грань. Прежняя установка жизненного процесса на прибыль (Д—Т—Д) сменяется новой установкой: *продуктивно-творческие силы человека — их воплощения в культуре — простот и обновление этих сил.*

5. Функция производства общественного богатства на стадии его материального оформления уже не будет закрепляться за *особым общественным классом* (рабочими). Соответственно, функция управления людьми потеряет свой политической характер и станет функцией «технической» (Ф. Энгельс). Монополия на управление людьми исчезнет вместе со всеми другими, вытекающими отсюда монополиями (на образование, духовное развитие и др.).

В экономических воззрениях К. Маркса *время* является таким же определяющим фактором, как у И. Канта в его «Критике чистого разума». У Канта временные схемы производны от последовательности действий, которые порождает индивид. У Маркса принцип экономии рабочего времени для увеличения свободного времени является не только экономическим, но и *креативно-антропологическим*. Присвоение прибавочного продукта есть присвоение прибавочного рабочего времени, а значит присвоение самой жизни рабочего, ибо *«время»* фактически является активным бытием человека. Оно не только мера его жизни, оно — пространство его развития. И вместе с вторжением сюда капитала прибавочное рабочее время есть присвоение духовной и физической *жизни рабочего*» [6, С. 517]. Поэтому рабочее время — «решающий вопрос»! Остается отметить, что в советском марксведении не заметили «слона» — *креативную культурную антропологию* Маркса, из которой он исходил не только в области экономики, политики, философии, но и в общении с рабочими, одному из которых он посвятил первый том своего «Капитала». Предвидение Маркса — это предвосхищение новой исторической постбуржуазной ступени, культуры.

Сделаем выводы. Целесообразен курс государственной политики для поэтапной реализации всеобщего высшего образования. Работники с профессиональной теоретической подготовкой есть социальная основа проведения государственной политики по программе всенародной справедливости и опора государства. Рост удельного веса таких специалистов означает усиление социальной интеграции и является профессиональной основой для динамичного развития и культурного обновления всех сфер общества.

1. Маркс К. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 49. М., 1974.

2. Семенов Е. В. Кооперация деятельности как проблема исторического материализма. Новосибирск, 1983.

3. Маркс К. Экономические рукописи 1857—59 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М., 1969.

4. Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. М., 1961.

5. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М., 1968.

6. Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 47. М., 1973.

В. А. Киселев
Новосибирск

МОРАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Моральная рефлексия (лат. *reflexio* — отражение, обращение назад) — один из важнейших элементов культуры личности и общества. Данное понятие, которое достаточно широко используется в современной философской, культурологической и психологической литературе, употребляется в следующих смыслах:

— тип этического мышления, ориентированный на осмысление индивидом мотивов своих поступков и осознание их восприятия окружающими с позиций принятых в обществе представлений о добре и зле, совести, справедливости и ответственности;

— обоснование моральных оснований бытия и мышления человека;

— осмысление становления и развития моральных императивов в ходе труднейшего диалектически противоречивого нравственного восхождения человечества;

— анализ укорененности моральных норм и принципов в подсистемах культуры — в мифологии и религии, в искусстве и науке, в политике и праве.

Указанные виды моральной рефлексии дополняют друг друга, раскрывают различные грани этого сложного феномена культуры.

Проблема моральной рефлексии привлекала внимание мыслителей уже в эпоху античности (Сократ, Аристотель, М. Аврелий, Сенека). В Новое и Новейшее время моральная рефлексия осмысливается в работах М. Монтеня и Р. Декарта, И. Канта и Г. Гегеля, К. Гельвеция и Н. Г. Чернышевского, Ф. Шлейермахера и Г. Гадамера, С. Л. Рубинштейна и Э. Фромма.

В современной философско-культурологической мысли, опирающейся на идеи классического наследия, выделяют несколько под-